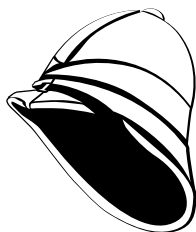

Луи Буссенар
—
Капитан Сорвиголова

Москва
2023

УДК 821.133.2-311.3
ББК 84(4Фра)-44
Б92

Louis Bousсенар
CAPITAINE CASSE-COU

Перевод с французского *Константина Полевого*
Художественное оформление *Степана Костецкого*

Буссенар, Луи.
Б92 Капитан Сорвиголова / Луи Буссенар ; [перевод с
английского К. Полевого]. — Москва : Эксмо, 2023. —
352 с. — (Яркие страницы).

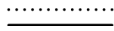
ISBN 978-5-04-189204-3

Жан Грандьё, шестнадцатилетний француз, сказочно разбогатевший в свои 15 лет на Аляске, отправляется добровольцем на Англо-бурскую войну — вступает в трансваальскую армию, которая борется за независимость Южно-Африканской Республики от Британской империи. Создав отряд добровольцев, состоящий из таких же отважных мальчишек, как и он сам, Жан Грандьё отправляется в Южную Африку сражаться против английских захватчиков, навстречу невероятным приключениям.

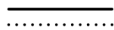
УДК 821.133.2-311.3
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-189204-3

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
МОЛОКОСОСЫ

*Смертный приговор. — Бур и его друг, молодой француз. — Отказ приостановить исполнение приговора под миллионный залог. —
Осужденный сам роет себе могилу.
Казнь. — Трагическая сцена. — Месть. —
Капитан Сорви-голова и погоня за ним*

Старший сержант, исполняющий обязанности секретаря военного полевого суда, поднялся. В руке у него клочок бумаги с приговором, который он только что нацарапал. Резким и сухим голосом, отчеканивая каждый слог, он прочитал его осужденному:

— «Совет полка, заседая в качестве военного суда, единогласно приговорил к смертной казни Давида Поттера, виновного в отравлении двадцати пяти лошадей четвертой артиллерийской батареи. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и будет приведен в исполнение немедленно».

Пять членов суда в белых касках, с кобурами на поясных ремнях, сидят па складных стульях, небрежно придерживая коленями сабли; у них надменный и презрительный вид джентльменов, вынужденных исполнять неприятную и скучную обязанность. Один из них, молодой капитан, даже пробурчал сквозь зубы:

— Бог мой!.. Столько церемоний, чтобы отправить на тот свет какого-то мужика-мошенника, белого дикаря, мятежника, грабителя и убийцу!

Но председатель суда, красивый мужчина в форме полковника гайлендеров Гордона¹, остановив его легким движением руки, обратился к осужденному:

— Что можете вы сказать в свое оправдание, Давид Поттер?

Бур, который был на целую голову выше своих конвойных артиллеристов, стоявших по обе его стороны с шашками наголо, лишь презрительно пожал плечами. Потом отвернулся от членов суда и через тройную цепь солдат, выстроившихся с примкнутыми штыками вокруг судилища, устремил свой ясный взгляд туда, где стояли его неутешные родные.

Там, возле фермы, рыдала, ломая в отчаянии руки, молодая женщина, душераздирающе кричали дети, несчастные родители осужденного грозили завоевателям своими немощными кулаками.

А яркие лучи солнца, словно желая подчеркнуть эту скорбную картину, пробиваясь сквозь причудливую листву акаций и гигантских мимоз, светлыми зайчиками играли на лугу, травяные волны которого уходили в недоступную для глаза даль.

Здесь он жил, любил, страдал и боролся до последнего дня.

На какой-то миг его взор затуманился слезой умиления, но ее тотчас же осушил гнев.

Он выпрямился и, сжав кулаки, хриплым голосом ответил полковнику:

— Вы осудили меня за то, что я защищал свободу и независимость своей родины... Что же! Вы сильнее — убейте меня!

¹ Г а й л е н д е р ы — горцы-шотландцы. Здесь речь идет о полке, которому присвоено имя офицера и географа шотландца Шарля Джорджа Гордона. (Это и все последующие примечания сделаны переводчиком.)

— Мы судьи, а не убийцы! — с негодованием прервал его председатель. — Вы, буры, ведете бесчестную, недостойную цивилизованных людей войну... Война тоже имеет свои законы, и мы судим вас по этим законам.

— А по-вашему, это честная война, когда десять, пятнадцать, двадцать человек нападают на одного? — вскричал бюргер¹.

— Мы сражаемся с открытым забралом при помощи нашего оружия. И мы не судим тех, кто воюет с нами таким же оружием. А прибегать к яду подло, — продолжал полковник. — Сегодня вы травите лошадей, завтра возьметесь за людей... Это заслуживает сурового наказания.

Бур, не разбиравшийся в таких тонкостях, гневно возразил:

— Я действовал как патриот, который уничтожает все, что служит войне: людей, скот, военные материалы. И вам не удастся втолковать мне, почему убивать людей из ружья почетно, а травить ядом лошадей подло.

— От этого животного толку не добьешься, — снова процедил капитан, в глубине души смущенный наивной логикой крестьянина.

— Слушание дела закончено! — властно вмешался председатель. — Давид Поттер, приготовьтесь к смерти.

— А я и не прошу пощады. Если бы вы оставили меня в живых, я снова принялся бы за прежнее. Но я буду отомщен!.. Да, жестоко отомщен! Пролейте мою кровь! Пусть она льется рекою!.. Кровь мучеников за независимость — это роса, питающая свободу!

Эти слова, произнесенные громовым голосом, бросили в дрожь людей, собравшихся перед фермой. А пораженный ими старший сержант, крякнув, возобновил чтение приговора:

¹ Бюргер — бур-гражданин, то есть коренной бур, пользующийся правами гражданства.

— «Осужденный сам выроет для себя могилу. Приговор будет приведен в исполнение взводом из двенадцати человек. Ружья зарядит сержант. Причем только шесть из них должны быть заряжены боевыми патронами, остальные же — холостыми».

Услышав этот странный параграф приговора, осужденный разразился смехом, жутко прозвучавшим в такую минуту.

— Ха! Ха! Ха!.. Понимаю... Мне как-то говорили об этом, да я, признаться, не верил! — воскликнул бюргер. — Вы боитесь, как бы солдаты не стали жертвами мести за расстрелянных? И надеетесь такой уловкой отвести от них эту месть? Вы думаете, что если солдат, убивающий патриота, сам не знает, заряжено боевым патроном его ружье или нет, то другие и подавно не узнают?.. Глупцы! Солдатам нечего бояться: моя месть не падет на головы этих невольных соучастников вашего преступления. Она настигнет вас... да, только вас, так называемых судей, истинных и единственных виновников. Вас пятеро, вы сильны и здоровы, за вами английская армия численностью в двести тысяч человек — и все равно месть поразит вас всех пятерых, и вы погибнете злою смертью, потому что я присуждаю вас к ней — я, обреченный на смерть.

Председатель встал и бесстрастно произнес:

— Мы судим по праву и совести, и ваши угрозы не трогают нас. По закону вам не дозволяется общение с людьми, но из человеколюбия я разрешаю вам проститься со своим семейством.

По его знаку тройная цепь солдат разомкнулась. Через образовавшийся проход ворвались убитые горем родные осужденного.

Их человек тридцать; впереди жена Давида. Вне себя от горя, она бросается на грудь любимого и верного спутника своей жизни и истступленно сжимает его в объятиях. Она

не в силах вымолвить ни слова, убитая неотвратимостью страшной беды.

Возле нее красивый юноша. На нем охотничий костюм отменного покроя, изящество которого, так резко отличавшееся от скромной одежды буров, возбудило любопытство англичан.

Грустная улыбка озарила лицо осужденного при виде юноши.

— Давид!.. Мой хороший, добрый Давид!.. Вот как нам довелось свидеться! — воскликнул молодой человек.

— Вы.? Неужели это вы, мой дорогой мальчик?.. Как я счастлив!.. Видите, они схватили меня — это конец... Не видать мне торжества нашей свободы и независимости.

— Погодите отчаиваться!.. Я попробую поговорить с ними, — произнес юноша.

Он подошел к собиравшимся уже уйти членам военного суда. Сняв шляпу, но не теряя чувства собственного достоинства, он обратился к председателю:

— Умоляю вас, милорд, прикажите отсрочить казнь... Сжальтесь над этой несчастной женщиной, над детьми, над этим человеком, действиями которого руководило лишь благородное чувство патриотизма. Вы сыны великой, сильной нации, будьте же великодушны!

— Мне очень жаль, — ответил полковник, отдавая честь затынутой в перчатку рукой, — но я бессилён помочь.

— Несколько дней жизни!.. Всего лишь несколько дней! Одну только неделю — и я берусь выхлопотать для него помилование.

— Не могу, молодой человек. Приговор произнесен именем закона, а все мы рабы закона, начиная от ее величества королевы и кончая последним из наших парней.

— Я внесу залог.

— Нет.

— Десять тысяч франков за каждый день...

— Нет.

— Сто тысяч франков за день... Это составит миллион за десять дней!

— Миллион? Но кто же вы такой?

— Человек, умеющий отвечать за свою подпись, — ответил юноша с характерной для него вызывающей, но исполненной достоинства дерзостью. — Давид Поттер спас мне жизнь, и, если понадобится, я отдам за него все до последней копейки, до последней капли своей крови!..

— Такое чувство делает вам честь, — прервал его полковник, — но на войне трудно руководствоваться чувствами. А теперь послушайте меня внимательно, — продолжал он. — У меня есть сын, примерно вашего возраста, он служит офицером в моем полку. На нем сосредоточил я всю свою отцовскую нежность, все честолюбие солдата... Так вот, предположим, что он находится в плену у буров и должен быть расстрелян, как будет сейчас расстрелян этот человек. Предположим также, что мне, его отцу, предлагают его жизнь в обмен на жизнь Давида Поттера...

— И вы?... — задыхаясь от волнения, спросил юноша.

— Не принял бы предложения, и мой единственный сын погиб бы!

Словно оглушенный этими словами, юноша опустил голову. Он понял: ничто уже не может спасти осужденного, и настаивать бесполезно. Впервые постиг он весь ужас этого страшного бича, этого бедствия, которое превращает убийство в закон и нагромождает горы трупов, этого позорящего человечество чудовища, имя которому война. Вернувшись к буру, окруженному рыдающими родными, он взял его руку в свои и с неизъяснимым выражением нежности и сожаления воскликнул:

— Мой добрый Давид!.. Я думал смягчить их — ничего не вышло... Надеяться больше не на что.

— И все же я так благодарен вам, мой маленький храбрый француз, за ваше участие, — ответил бургер. — Бог свидетель, на сердце становится теплей, когда видишь, что за наше дело борются такие люди, как вы!

— Неужели я ничего не могу сделать для вас? — прошептал юноша.

— Можете! Пробыть возле меня вместе с моей женой и детьми до последнего моего вздоха... Отомстить за меня! Всегда сражаться так же, как... поняли? И ни слова больше... Здесь слишком много ушей...

— Обещаю, Давид!

Офицеры между тем расходились по своим палаткам, с любопытством поглядывая на этого мальчишка, который жонглировал миллионами и говорил как мужчина.

Остались только старший сержант, два артиллериста и пехотинцы, окружавшие место, где стояли осужденный и его близкие. Сержант резким голосом приказал одному из солдат одолжить осужденному свою лопатку.

Солдат отстегнул подвешенную на поясе, ниже рюкзака, валлийскую лопатку, которыми снабжена вся английская пехота, и подал ее буру, а старший сержант, указав пальцем на землю, пояснил:

— Dig!.. Копай!..

Пожав плечами, бур спокойно ответил:

— Я не прикоснусь к этому английскому изделию, не стану марать своих рук, да и родную землю, в которой мне суждено покоиться вечно. Принесите-ка мне кирку да лопату, славные мои орудия. С их помощью я вспахал эту девственную землю, опустошаемую теперь завоевателями.

Ему принесли. Он схватил рукоятки, отполированные долгим трением о его огрубевшие от труда руки, и блестящее железо зазвенело. Потом двумя длинными шагами он отмерил на красноватой земле свой гигантский рост и за-

сек две глубокие зарубки. Английские солдаты, умеющие ценить мужество, не могли скрыть восхищения.

Бур поплевал на ладони, сжал рукоятку кирки и целиком ушел в свою зловещую работу.

— Ну-ка, Давид, — бормотал он, — пошевели-ка в последний разок вскормившую тебя землю.

Согнув спину, напрягая руки и шею, на которых, словно веревочные узлы, выступили мускулы, он мощными ударами стал вгрызаться в землю вельдта¹, и она, проносясь между его ног, послушно ложилась позади него. Затем он старательно выровнял лопатой яму, придав ей форму могилы.

Жена и дети, стоя на коленях под знойными лучами солнца, которое было уже в зените, тихо плакали.

Солдатам разрешили присесть. Они стали закусывать, вполголоса переговариваясь. Время между тем шло, и могила углублялась. Великан-бур все глубже и глубже уходил в землю, лишь изредка прерывая свою ужасную работу, чтобы тыльной стороной руки отереть струившийся по лицу пот. Время от времени он взглядывал украдкой на жену и детей. И тогда, невзирая на усталость, начинал работать быстрее, спеша поскорее покончить со столь страшным для них зрелищем. Один из солдат, охваченный состраданием, протянул буру флягу, полную виски.

— Выпейте, товарищ, это от чистого сердца, — ласково сказал он.

— Виски?.. Нет, спасибо. Еще подумают, что я выпил для храбрости. Но я охотно приму от вас немного воды, товарищ!

Друзья и родные, окруженные цепью солдат, не могли пойти за водой. Солдат сбегал в дом и принес деревянный ковш свежей воды. Давид, припав к нему губами, жадно пил, а солдат возвратился на свое место, рассуждая:

¹ В е л ь д и л и в е л ь д т — название степи в Южной Африке. Говорят: «Трансваальские вельдты».

— Вода!.. Ну разве может она сойти за христианский напиток, особенно в тот час, когда человек должен навсегда забыть вкус виски? Да если бы я был так же близок, как он, от того, чтобы сыграть в ящик, уж я бы не постеснялся осушить фляги всего взвода. Это так же верно, как то, что меня зовут Томми Аткинс!

А время шло, безжалостно текли минуты. Солнце склонялось к западу. И все глуше звучали удары кирки в зияющей яме, поглотившей бура уже до самых плеч. Жена его распростерлась на земле и, с ужасом сознавая приближение роковой минуты, не отрывала глаз от двух огромных бугров, нараставших по обе стороны могилы.

Послышался треск затворов. То старший сержант, достав из патронташа двенадцать патронов и вырвав из шести патронов пули, заряжал ружья.

Вот он уже принес винтовки и бросил их на землю. Затем, подойдя к буру, который продолжал копать землю, сказал:

— Давид Поттер, приготовьтесь к смерти!

А тот, прервав работу, поднял голову и спокойно ответил:

— Я готов.

Уложив рукоятку лопаты поперек ямы и ухватившись за нее, он подтянулся на руках, одним прыжком перемахнул через могильный скат — и вот он уже стоит на земле, измазанный красноватой землей, освещенный косыми лучами солнца, огромный, трагически величественный.

Жена и дети бросились было к нему, но караул по знаку сержанта отеснил их. И тотчас же выступили вперед двенадцать невооруженных солдат, назначенных в этот страшный наряд. Разобрав наугад принесенные сержантом ружья, они выстроились в ряд. К осужденному подошел старший сержант, чтобы завязать ему глаза и поставить на колени. Бур энергично запротестовал:

— Единственная моя просьба к англичанам — позволить мне умереть стоя, глядя на божье солнце, и самому командовать: огонь!

— Я не могу отказать в этом столь мужественному человеку, как вы, — ответил сержант, козырнув ему по военному.

— Благодарю.

Взвод находился на расстоянии примерно пятнадцати шагов.

Бур стал лицом к солдатам, спиной к могиле. Мертвая тишина повисла над лагерем. Смолкли рыдания и стоны. Жгучая мука охватила все сердца. Короткая команда, мгновенное дребезжание металла, и двенадцать стволов вытянулись ровной сверкающей линией: солдаты взяли бура на прицел.

Осужденный стоял с обнаженной головой и открытой грудью. Глубоко вздохнув, он воскликнул:

— Прощайте, жена, дети, свобода! Прощай все, что я любил! Да здравствует независимость!.. А вы, солдаты: огонь!

Грянули двенадцать выстрелов, сопровождаемые глухим эхом. Бур пошатнулся и тяжело рухнул навзничь на один из могильных скатов.

Из уст жены вырвался крик отчаяния, заголосили дети.

Взвод взял на караул, сделал полуоборот и двинулся в лагерь. Отряд, служивший оцеплением, разомкнулся и открыл наконец доступ к могиле.

Бур умер мгновенно. Из его груди, изрешеченной всеми шестью пулями, хлестали потоки крови.

Несчастливая жена, тяжело опустившись на колени, благоговейно закрыла его глаза, даже в смерти сохранившие твердость. Потом, омочив свои пальцы в крови, ярко алевшей на разодранной одежде мужа, она осенила себя крестом и сказала детям:

— Сделайте, как я... И никогда не забывайте, что ваш отец — убитый англичанами мученик, кровь которого вопиет о мщении!

Дети последовали ее примеру. А старший сын, рослый четырнадцатилетний мальчик, решительно подошел к французу, который тоже плакал, и, взяв его за руку, твердо сказал:

— Ты возьмешь меня с собой. Правда?

— Да, — ответил француз, — у меня найдется для тебя и пони и мушкетон.

— Иди, дитя мое! — воскликнула, услышав его, мать. — Иди, сражайся за независимость, как подобает мужчине, и отомсти за отца!

Из дома принесли широкую простыню и веревку: простыню — чтобы завернуть в нее тело, веревку — чтобы опустить его в могилу.

Но тут прибежал запыхавшийся и взволнованный, коренастый и юркий, как белка, подросток.

Увидев молодого француза, он бросился к нему и тихо сказал:

— Нас предали!.. Беги, спасайся!.. Англичане знают, что ты на их передовой позиции. Скорей! Скорей!.. Лошади уже здесь.

— Благодарю, Фанфан... Иду. — И, обратившись к юному буру, француз сказал: — Обними свою мать, Поль, и следуй за мной.

Мальчик, названный Фанфаном, уже исчез. Сын казненного и молодой незнакомец последовали за ним.

Фанфан направился к заросли колючих мимоз, метко называемых в тех местах «подожди немного». Там, покусывая ветки, переминались с ноги на ногу два сильных пони, снаряженных по-боевому, с мушкетонами у седла и с туго набитыми походными сумками.

Ловко вскочив на одного из них, француз крикнул Полю:

— На круп позади Фанфана — и в галоп!.. Дело будет жаркое.

С аванпостов уже донеслось несколько выстрелов, а над головами беглецов зажужжали пули, когда их пони взяли с места бешеным галопом. Возле дома Давида Поттера поднялась невообразимая суматоха.

— Окружить дом! Никого не выпускать! — крикнул примчавшийся на взмыленном коне полковой адъютант. — Где старший сержант?

— Здесь, господин лейтенант! — ответил сержант.

— Вы не приметили тут юношу, вернее — мальчика, в охотничьем костюме?

— Так точно, господин лейтенант, приметил!

— Где он?

— Я думаю, на ферме.

— Немедленно схватить его и доставить в штаб полка живым или мертвым.

— Живым или мертвым?.. Да ведь это же безобидный ребенок.

— Круглый идиот!.. Этот ребенок настоящий дьявол, он стоит целого полка! Это проклятый капитан Сорвиголова, командир разведчиков... Живо, живо! Всем кавалеристам, которыми вы располагаете, — в седло!

В одно мгновение были взнузданы и оседланы тридцать коней. И началась бешеная погоня...

*Гон. — Человек в роли дичи. — Дичь защищается. —
Первые подвиги капитана Сорви-голова. —
Бесстрашные юнцы. — Инстинкт лошадей. —
Обходное движение. — Колючий кустарник. — Фанфан
ранен. — Отчаянное бегство. — Пони убит. —
Смертельная опасность. — Между двух огней*

У англичан, этих страстных любителей спорта, все может послужить предлогом для неистовых скачек. Если нет лисицы для травли с собаками, довольствуются маленькими комочками бумаги. Егерь, изображающий собой зверя, разбрасывает их как попало. Охота для потехи или даже подобие такой охоты вполне удовлетворяет спортсмена, лишь бы скакать через самые неожиданные препятствия и испытывать опьянение, которое так волнует искусного наездника. Но когда в перспективе у джентльмена охота за человеком! Когда человек становится дичью, которую нужно взять или убить!.. О! Тогда национальная страсть, помноженная на врожденную первобытную свирепость — *Homo homini lupus est*¹, превращается в настоящее неистовство. Перед такой охотой меркнут и *Rally rareg*² и *Fox hunting*³.

Гнаться за человеком, присутствовать при его агонии — что за наслаждение для цивилизованных варваров! «Впе-

¹ Человек человеку — волк.

² Потеха с бумажками.

³ Охота на лисиц.

ред! Вперед!..» У англичан этот возглас означает: «Кто придет первым».

Офицеры, пользуясь своей властью, приказали солдатам спешиться и бесцеремонно забрали их коней. Взвод сформировался в одно мгновение. Он состоял из драгун, улан, гусар и нескольких уеомангу¹ этих бесстрашных охотников, еще более одержимых, чем их товарищи по регулярной армии.

«Вперед! Вперед!..»

Долг солдата и спортивный азарт подхлестывают друг друга, придавая особую напряженность скачке, которая с ходу приняла бешеный характер.

«Вперед!.. Вперед! Охота за человеком!

Взвод улан то смыкался, то растягивался, в зависимости от темперамента всадников и горячности их коней.

Впереди молодой уланский лейтенант на великолепном, породистом скакуне. С каждым его скачком офицер все больше удалялся от взвода и приближался к беглецам, которые опередили погоню не более чем на шестьсот метров.

Бедные мальчики мчались во весь опор на пони, неказистых с виду, но смелых и умных животных, честно исполнявших свой долг.

Вот оба отряда вступили в полосу высоких трав. Здесь пони приобрели некоторые преимущества: они перешли на своеобразный аллюр, при котором их передние ноги идут рысью, а задние галопом, что дает им возможность, почти не снижая скорости и не путаясь, пробираться среди высоких трав. На голой равнине их настигли бы за каких-нибудь десять минут, в прериях же удавалось сохранять расстояние, отделявшее их от преследователей.

¹ Добровольческая кавалерия в Англии.

Только уланский лейтенант да еще трое всадников постепенно нагоняли беглецов.

Пони молодого француза, которого англичане прозвали капитаном Сорви-голова, не обнаруживал еще ни малейших признаков усталости. Но удила пони, на котором скакали Фанфан и юный Поль, уже были покрыты обильной пеной; он явно начал уставать.

— Фанфан! — крикнул Сорви-голова. — Ты не на деревянном коньке карусели, а в седле! Отдай поводья, ложись на коня.

— Ладно, хозяин! — ответил Фанфан. — Придется тебе, Коко, думать за нас обоих, — ласково потрепал он по шее пони. — Впрочем, это не так уж трудно для тебя.

Сорви-голова между тем обернулся. Обеспокоенный приближением англичан, он отстегнул мушкетон.

— Внимание!.. — вполголоса обратился он к своим спутникам.

Затем раздался его свист, услышав который оба пони мгновенно остановились и замерли на месте.

Проворно соскочив с пони, Сорви-голова пристроил на седле ствол своего мушкетона и, наведя его на уланского офицера, осторожно спустил курок. Раздался сухой выстрел. Несколько мгновений Сорви-голова стоял не шелохнувшись, с широко раскрытыми глазами, словно желая проследить полет пули. Офицер, сраженный на всем скаку, выпустил поводья и, взмахнув руками, опрокинулся на круп коня. Лошадь шарахнулась в сторону, офицер, мертвый или тяжело раненный, свалился наземь, а обезумевший от испуга конь, подстегиваемый бьющимися о бока стремянами, понесся куда глаза глядят.

— Благодарю вас, Сорви-голова! Может быть, это один из тех, кто убил моего отца! — воскликнул Поль Поттер.

Послышался второй выстрел.

То Фанфан, увидев, что Сорви-голова стреляет, решил последовать его примеру, без малейшего, впрочем, успеха.

— Эх! Чистый проигрыш, — проворчал раздосадованный мальчик.

Три кавалериста, скакавшие за лейтенантом, остановились, чтобы оказать ему помощь. Образовалась маленькая группа.

Бах!..

Фью-ю-ю-ю-ю... — запела, разрывая воздух, пуля.

То снова выстрелил Сорви-голова.

В группе англичан поднялась на дыбы лошадь и, пройдя на задних ногах, подобно геральдическим коням, несколько шагов, грохнулась, подмяв под себя всадника.

— И второй! — с дикой радостью завопил маленький бур.

Бах!.. Это опять так же азартно выстрелил Фанфан — и опять так же успешно промахнулся.

— Ты стреляешь, как сапожник, Фанфан! — крикнул взбешенный Сорви-голова. — Передай свое ружье Полю.

— Давай, давай! — обрадовался сын казненного. — Посмотришь, как я стреляю.

С аккуратностью старого солдата мальчик шелкнул затвором, вложил патрон в казенную часть, спокойно навел ружье на одного из двух оставшихся в живых улан маленького английского авангарда и выстрелил в тот самый миг, когда уланы возобновили преследование.

— Ух, здорово! — воскликнул Фанфан, радуясь успеху маленького бура, снявшего всадника с коня.

— Ну, Поль! Четвертый — на нас двоих! — крикнул Сорви-голова. — Тебе — человек, мне — конь.

И два выстрела слились в один. Всадник и конь, пораженные на полном скаку двумя не знавшими промаха стрелками, упали и скрылись в траве.

— Да, ты будешь отомщен, и хорошо отомщен, бедный мой отец! — воскликнул побледневший от гнева мальчик.

Эта страшная расправа, такая долгая в рассказе, совершилась в каких-нибудь полминуты.

Пора было, однако, удирать. Все кавалеристы примчались к месту, где погибли их товарищи. Отряд перестроился.

Уже садясь на пони, Сорви-голова заметил, что все англичане, у которых было огнестрельное оружие, целятся в них.

Он едва успел пронзительно свистнуть и крикнуть:

— Ложись!

Прекрасно выдрессированные животные, услышав знакомый сигнал, распластались на земле одновременно со своими хозяевами.

Над беглецами просвистел град пуль.

Фанфан болезненно вскрикнул.

— Только без глупостей! — воскликнул Сорви-голова, но голос его звучал тревожно.

— Угостили... — ответил Фанфан. — Нечего сказать, угостили!

— Гром и молния!.. Бедный Фанфан! — воскликнул Сорви-голова. — Покажи!

— В левую ходулю угодили, — попытался отшутиться Фанфан. — Погоди... Поломки, кажется, нет — только голень продырявили, и все. Кровоточит, правда, но ничего, не очень больно. Обмотаю ее платком и стану таким же петухом, как и раньше.

— Дай перевяжу.

— Не стоит. Потом как-нибудь... Сейчас дела куда поважнее. Становится жарко.

Действительно, становилось жарко.

Англичане, взбешенные сопротивлением и не ожидавшие встретить таких опасных противников в каких-то мальчишках, которых они думали взять голыми руками, переменили тактику и приступили к новому маневру.